

Казаков Ю

Алексей Петренко в роли писателя

Елена МАЙОРОВА сыграла его смерть

Съемки фильма «Послушай, не идет ли дождь...» проходили в том же особняке на Поварской, где расположен театр Анатолия Васильева. В подвале шел спектакль, а в квартире № 5 — старой, обшарпанной, но со следами былой помпезности (одни колонны в коридоре чего стоят!) — режиссер Аркадий Кордон обговаривал с Алексеем Петренко и Ириной Купченко следующий кадр: «Она на лифте поднимается, а вы — по лестнице бегом. И должны к квартире подойти одновременно». «Мотор!» И актер, знакомый нам по фильмам «20 дней без войны», «Сказ про то, как царь Петр арапа женил», «Агепз» и другим, энергично взбегаёт на другой этаж. А ведь не мальчик. И инфаркт недавно перенес. Но роль настолько увлекла его, что о здоровье актер не думает. Как не думал о нем и человек, ставший прообразом главного героя — известный прозаик Юрий Казаков.

Да, писатель пил. Пил крепко. Пил оттого, что не оценен по достоинству, что его не выпускают во Францию, где давно печатают его произведения. Да еще оттого, что, видя все безобразия брежневской эпохи, мучился. Как истинно русский интеллигент... В прошлом году исполнилось 15 лет, как нет Казакова, не дожившего и до 55. Но в память о нем режиссер Кордон («Двойной обгон», «Великий самоед», «Приговоренный», «Будь ты проклята, Колыма!») шестой год работает над картиной о трудной судьбе художника. Ведь они дружили с Юрием Павловичем последние годы, вместе делали «Великого самоеда».

— Чем вас греет фигура Казакова, кроме того, что вы его знали лично!

— Во-первых, это замечательный писатель, которого радио «Свобода», например, поставило в один ряд с Буниным и Набоковым. У Вик-

тора Астафьева я как-то встретил высказывание, что «Евгений Носов в своих лучших рассказах почти достигал уровня Казакова». Он не был ни городским литератором, как Трифонов, ни «деревенщиком», как Шукшин или Белов, — он был просто Писателем с большой буквы. Недаром Юрий Палыч стал единственным из наших авторов той поры, кого широко издавали во Франции. Но в Париж его не выпускали, ставили всяческие препятствия. Все боялись, что он там останется. В какой-то момент он действительно хотел остаться, но передумал. Ну а во-вторых, для меня судьба Казакова — повод поговорить о незащищенности творца, о поиске русским интеллигентом в 60—80-е годы своей ниши, где социум не трогал бы его. Как и многие люди схожей с ним судьбы, Юрий Павлович чувствовал себя очень одиноким, весь хаос эпохи ему приходилось пропускать через свою душу, отсюда и его страдания. Однако мы снимаем не фильм биографического жанра: это будет ассоциативная вещь. Действие будет разворачиваться в настоящем и в прошлом и в ирреальной среде, где возникают мотивы рассказов писателя. Возникнут тут и аллегорические фигуры вроде ангела Смерти (эту роль по странному стечению обстоятельств сыграла Елена Майорова, вскоре трагически ушедшая из жизни).

— В кино сейчас ходит в основном молодежь — нужен ли, интересен ей будет этот фильм!

— Молодым сейчас на все начхать.

Елена Майорова в роли Смерти

Они и Казакова-то не читали, не знают, кто это. Вон в «МК» напечатали как-то лихую заметку о моей картине под заголовком «Просто Миша», перепутав там абсолютно все, включая и мое имя. Суть сводилась к тому, что «жил когда-то писатель Михаил Казаков, автор фильма с ним дружил и поэтому решил назвать картину просто «Миша». При чем тут Миша? Какой Миша! Это кто-то краем уха не расслышал слово «ниша» и быстро что-то поверх этого сочинил. Я им звонил. Извинялись.

— Кто занят у вас, кроме Петренко и Купченко!

— Альберт Филозов, Валерий Ивченко, Александр Грабе, Нурхуман Ихтымбаев, игравший у нас «великого самоеда», и многие другие. Проблема в том, что из-за длительности съемок они теряют чувство роли, приходится с трудом восстанавливать внутреннее ощущение.

— По какой причине съемки растянулись на столько лет!

— Причина банальная — перебои в финансировании. Но мы пытались сделать все, что можем. В 97-м были большие паузы из-за того, что Петренко, видя, что мы выпали из первоначальных сроков, уехал сниматься у Никиты Михалкова в «Сибирском цирюльнике», а потом свалился с инфарктом.

— Вы не скрываете, что ваш герой пил, что у него была алкогольная кома...

— Но мы, кстати, не называем его в фильме Казаковым, все зовут его просто Юра...

— И все же, не будут ли родственники писателя недовольны!

— Вдова писателя Тамара Михайловна была изначально против нашего замысла, хотя они с Юрием Павловичем последние годы вместе и не жили. Его литературной наследницей считалась мать, но потом она умерла. Права перешли к сыну и бывшей жене. И она боится, как бы образ мужа не был опорочен, очернен. Но мы же снимаем не историю алкоголика, а историю человека, размышления которого и переживания (например, «есть ли в сыне моем продолжение мое!») близки и понятны многим. За деревьями она не видит леса. Считает, что Юра на экране не похож.

Петр ЧЕРНЯЕВ.

Редисоник - 1998. - № 15. - С. 20